

ВОСПИТАНИЕ «ИСТИННЫМ ХРИСТИАНСТВОМ» (СВЯТИТЕЛЬ ТИХОН ЗАДОНСКИЙ И Н. С. ЛЕСКОВ)

Л. Г. Сатарова, Н. В. Гречушкина, Н. В. Стюфляева

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 2 июня 2023 г.

Аннотация: в статье рассмотрены связи творений святителя Тихона Задонского с религиозно-нравственными исканиями Н. С. Лескова, проведен сопоставительный анализ рассказов «Леди Макбет Мценского уезда» и «Очарованный странник», сделан вывод о духовной преемственности идей святителя Тихона и их преломлении в художественном мире писателя.

Ключевые слова: «истинное христианство», святитель Тихон Задонский, Н. С. Лесков, добро, зло, грех, искушение, покаяние, жертвенность, красота, подвиг.

Abstract: the article examines the connections of the works of St. Tikhon of Zadonsk with the religious and moral quest of N. S. Leskov, a comparative analysis of the stories “Lady Macbeth of the Mtsensk district” and “The Enchanted Wanderer” is carried out, a conclusion is made about the spiritual continuity of the ideas of St. Tikhon and their refraction in the writer’s artistic world.

Keywords: “true Christianity”, St. Tikhon of Zadonsk, N. S. Leskov, good, evil, sin, temptation, repentance, sacrifice, beauty, feat.

В 2024 году исполняется 300 лет со дня рождения святителя Тихона Задонского — великого Задонского светильника, оказавшего сильнейшее влияние на духовную составляющую литературного процесса «золотого» XIX века. Это влияние сказалось и на творчестве Н. В. Гоголя, и Ф. М. Достоевского, и А. Н. Островского, и Л. Н. Толстого и мн. др. В данной статье речь пойдет о связях художественного мира Н. С. Лескова с традициями богомыслия святого, заложенными в его главном итоговом труде «Об истинном христианстве».

Святитель Тихон оставил нам в наследство не только свое учение о грехе и добродетели, но и образец жития, которое оказалось необычайно близким русскому народу, воспринимавшему его как ходатая и заступника за всех униженных и оскорбленных. Все-народным торжеством стало прославление святого в 1861 году. И. С. Никитин писал: «Не только Воронеж, но и вся губерния оживились и наполнились сотнями тысяч богомольцев, шедших и ехавших со всех концов России. Не говоря о Задонске: топографически он почти не существовал. Восемьдесят четыре версты, отделяющие этот городок от Воронежа, представляли сплошную улицу, по которой стремились волны народа. Ни с чем нельзя было сравнить этой картины, единственной в своем роде!» [1, 9].

Уникальным являлся и интерес общественности к изданию трудов святителя Тихона: его пятнадцати-

томное собрание сочинений в 60 раз превосходило тираж произведений А. С. Пушкина. Можно сказать, что сочинения святого явились настольной книгой большинства русских писателей. Однако в преддверии юбилея следует признать, что комплексное исследование проблематики, связанной с наследием святителя Тихона Задонского и творчеством великих русских мастеров слова, остается делом будущего. Данная статья представляет одну из попыток заполнить эту лауну современного литературоведения.

Н. С. Лесков в своих «картинах с натуры» «Мелочи архиерейской жизни» размышляет о том, какой же идеал архиерея сложился в народном мнении о церковных деятелях: «Русский народ любит глядеть на пышность, но уважает **простоту**, и кто этого не понимает или небрежет его уважением, тем и он платит неуважением же...» «Любление» пышности архиерейской стоит не высокой цены и выражает совсем не то, что думают некоторые стоятели за эту пышность. Она скорее всего просто следствие привычки и, может быть, вкуса, воспитанного византизмом и давно требующего перевоспитания **истинным христианством**. Тот же самый народ, которому будто бы нужна пышность, узнав о таком «простом владыке», как живший в Задонске Тихон, еще при жизни этого превосходного человека оценил его дух и назвал его **святым**. Этот самый народ жаждал слова Тихона и слушался этого слова более, чем всяких иных словес владык пышных» [2, 388].

На наш взгляд, эти размышления Н. С. Лескова могут послужить ключом к пониманию того, как

идеи, образы и мотивы трудов святителя преломись в художественном мире писателя.

Общеизвестно, что Н. С. Лесков как бы странствует в многообразии человеческих типов и характеров, выведенных на страницах его произведений. Для анализа заявленной в статье проблемы возьмем два наиболее популярных рассказа, которые могут представлять «визитную карточку» Н. С. Лескова. Это «Леди Макбет Мценского уезда» и «Очарованный странник».

В первом рассказе, который сам писатель определил как очерк, Н. С. Лесков изобразил отрицательный женский тип, который воплощает собой абсолютное зло. Катерина Измайлова подменила в своей душе образ и подобие Божие на идол любовной страсти, которая требовала все новых и новых кровавых жертв (совсем в духе языческих верований). Вместе со своим любовником она — чтобы быть рядом с предметом обожания — убивает свекра, мужа и его племянника, а в финале — и себя, и свою соперницу. По замечанию автора, она была «странной женщиной». Однако, по свидетельству Тихона Задонского, страсти есть внутренние идола в *сердце* человека: «И тако, хотя не преклоняешь колен языческим богам, не простираешь рук им, не приносишь кадила; но когда волю бесовскую, в которой через страсти наши убеждает, исполняешь, столько иных богов считаешь, сколько страстей совершаешь» [3, 989].

Н. С. Лесков мастерски реализует этот тезис в художественной ткани своего рассказа. Катерина Измайлова не была злой по своей природе, но она — ложная христианка, которая уверена, что молитва к Богу и совершенные ею преступления вполне совместимы, могут ужиться в одной человеческой душе. А ведь нераскаянное нарушение важнейшей заповеди «не убий» делает человека неизлечимо больным, и бесы радуются, что нашли себе такое надежное прибежище.

Н. С. Лесков показывает, как уже не один бес, а легион бесов управляет волей Измайловой. Если обратить внимание на характеристики героини в момент совершения убийства, то поражает ее ледяное спокойствие, которое роднит ее с образом Ставрогина из романа Ф. М. Достоевского «Бесы».

Собираясь избавиться от мужа, Катерина демонстрирует полное самообладание: она жестока, равнодушна и расчетлива, и на просьбу мужа умереть христианином, разумеется, никак не реагирует. Эта смерть без исповеди и причастия — не случайная, многозначная деталь повествования, она роднит жертву Измайловой с той ситуацией из «Очарованного странника», когда Флягин убивает без покаяния старого монаха.

Еще более показателен эпизод убийства Федя, который перед смертью читал Патерик: «Катерина Львовна подперлась рукою и стала смотреть на шевелящего губами Федю, и вдруг словно демоны с цепи

сорвались, и разом осели ее прежние мысли о том, сколько зла причиняет ей этот мальчик и как бы хорошо было, если бы его не было.

«А ведь что, — думалось Катерине Львовне, — ведь больной он; лекарство ему дают... мало ли что в болезни... Только всего и скажу, что лекарь не такое лекарство потрафил» [4, 189].

В противовес одержимости Измайловой бесами Федя читает житие своего ангела, святого Феодора Стратилата. Но и образ больного воцерковленного ребенка не останавливает убийц. Страсть Катерины к Сергею, страсть последнего к богатству совершенно заглушают голос совести, который является гласом Божиим в человеке. Дьявол победил в душе Катерины и тогда, когда Сергей чистосердечно раскаялся в содеянном: грядущий страшный суд для него стал реальнее, чем мечты о земных сокровищах. Сергей назвал молодую хозяйку своей сообщницей, чем вызвал в ней «немое изумление». «Окамененность» ее сердца, упорство во грехе народ уездного города связывает с ее расцерковлением и вызовом всему божественному миропорядку. Горожане ставят точный диагноз ее душевному состоянию: «Что церковь! Столь скверная бабенка испаскудилась, что уж ни Бога, ни совести, ни глаз людских не боится» [4, с. 194].

Интересно, что народное мнение больше сочувствовало Сергею в его несчастье, чем Катерине Львовне, а та, в свою очередь, оказалась совершенно равнодушной к судьбе собственного ребенка. Измайлова оказалась равнодушной и к собственной жизни, при этом успев погубить соперницу. Таким образом, художественное исследование любовной страсти и греха прелюбодеяния было совершено в очерке Н. С. Лескова по канонам святоотеческих понятий о том, что человеку невозможно справиться самому, без таинств и поддержки Церкви как душевной лечебницы, с дьявольскими кознями, которыми переполнен земной мир.

Святитель Тихон Задонский так писал об этом: «Что госпиталь есть больным, тое церковь святая есть христианам, духовно болящим. В госпиталь больные входят дверьми, в церковь святую болящие духовно входят *верою и крещением святым*. В госпиталь того ради входят больные, чтобы исцелиться от болезни, и тако здравие получить; в церковь святую того ради входят болящие духовно, чтобы исцелиться от болезней душевных и тако спасенными быть. В госпитале имеется лекарь, который больных посещает, смотрит и лечит; в церкви святой Врач есть Христос, Который христиан, духовно болящих, посещает и врачует. В госпитале болящим лекарь запрещает все то, что лекарству его, больным подаваемому, препятствия чинит; в церкви святой находящимся христианам от всего того воздерживаться повелевает Христос, что душевному их исцелению и получения вечного спасения препятствует... Нет таких грехов,

которых не исцеляла Церковь» [3, 1158].

В «Очарованном страннике» встречаются сюжетные ходы, которые дублируют «Леди Макбет Мценского уезда». Иван Флягин совершает несколько убийств, покушается на самоубийство, но он «обещанный Богу сын» и ведется Божьим Промыслом в монастырь, где пытается спастись от дьявольских соблазнов.

Его путь к «истинному христианству» совершается под знаком постепенного освобождения от земных страстей и теплохладности в вере. В самом названии этой повести-притчи соединились два противоположных начала. По христианским представлениям, странничество — это особый подвиг, движение человека по дороге познания Бога как обретения смысла земного существования. Но Иван Флягин — «очарованный» странник, то есть герой, подверженный суетным земным устремлениям, которые пытаются уловить человека в губительные для его души мирские сети. Флягин — страстный человек, подверженный стихийным порывам широкой русской натуры. Его любовь к лошадям — почти страсть, именно «форейторское озорство» и сыграло с Иваном злую шутку. Из озорства он убивает старого монаха. Пусть это совершено невольно, но Флягин равнодушно относится к своему смертному греху, да и забыл бы его, если бы монах не стал являться ему в сновидениях, укоряя его в том, что он умер без покаяния. Сам Флягин не испытывает никакого сокрушения по поводу несчастья, но монах пробуждает в нем совесть, и она начинает в нем «работать» в направлении прямо противоположном тому, что мы видим в судьбе Измайловой. Не случайно Н. С. Лесков назвал свою героиню «леди Макбет». Вся судьба ее выстраивается под знаком удовлетворения похотей собственного «Я», где в жертву на алтарь страстей человек способен принести весь мир. Это следствие эвдемонического подхода Запада к собственной личности как центру вселенной. В границах этого ценностного базиса жертва собой ради ближнего — нонсенс, она бессмысленна, потому что не связана с культом удовольствия и плотского наслаждения. Флягин — русский человек не только потому, что он любит Родину, воспринимает ее как святую Русь, он способен на прямо противоположное тому, что диктует человеку западная цивилизация, — бескорыстную жертву ради ближнего. Спасая господ от страшной гибели в пропасти, Голован не воспринимает свой поступок как героический: «Мне надо было бы этим случаем графской милости пользоваться, да тогда же, как монах советовал, в монастырь проситься; я сам не знаю, зачем себе гармонию выпросил и тем первое самое призвание опроверг и оттого пошел от одной стражбы к другой, все более и более претерпевая, но нигде не погиб, пока все мне монахом в видении предреченное в настоящем житейском исполнении оправдалось за мое недоверие» [4, 277].

Иван Флягин преодолевает одно «очарование» земных соблазнов за другим на пути странствования к Истине, у него случается очередное убийство, когда он до смерти заporол татарина. Убийство тоже как бы невольное: они бились в открытом бою. Если бы герой не убил азиата, то сам бы стал жертвой и был бы заporот. Однако показательно другое: как Флягин вспоминает об этом, рассказывая свою повесть слушателям. Те спрашивают:

«— Как заporоли, неужто до смерти?»

— Да-с, он через свое упорство да через политику так глупо себя допустил, что его больше на свете не стало, — отвечал добродушно и бесстрастно рассказчик и, видя, что слушатели все смотрят на него, если не с ужасом, то с немым недоумением, как будто почувствовал необходимость пополнить свой рассказ пояснением» [4, 298].

Действительно, создается впечатление, что грех лишения человека жизни не осознается героем как преступление заповеди, вызывающей пожизненное сокрушение. Сначала Флягин совершает геройский поступок, но он для него — норма жизни, а не подвиг; потом он совершает злобное дело и не чувствует себя виноватым. Добро и зло уравниваются в его душе, между ними нет онтологического противостояния, а это не христианская, а языческая позиция. Герою суждено пройти дальнейшие искушения, чтобы обрести, наконец, четкие границы между Богом и дьяволом.

Наиболее влекущие «чары» земного существования у него связаны с любовной страстью к женщине. Очарование цыганскими песнями и вольным цыганским миром традиционно в русской культуре занимали особое место. Достаточно вспомнить пушкинского Алеко, толстовского Федю Протасова и многих других. Груша появляется в жизни Флягина, оваянная атмосферой магнетического колдовского наваждения. Характерен ее портрет, данный в восприятии Флягина: «...даже нельзя описать ее как женщину, а точно будто как яркая змея, на хвосте движет и вся станом гнется, а из черных глаз так и жжет огнем. Любопытная фигура! А в руках она держит большой поднос, на котором по краям стоят много стаканов с шампанским вином, а посреди — куча денег страшная» [4, 336].

Красота Груши совершенно завораживает и гипнотизирует Флягина, он теряет свою волю и растворяется в поклонении этому новому кумиру: «А я ей даже отвечать не могу: такое она со мною сделала! Сразу, то есть как она передо мною над подносом нагнулась и я увидал, как это у нее промеж черных волос на голове, будто серебро, протор вьется и за спину падает, так я и *осатанел*, и весь ум у меня отняло ... “Вот она, — думаю, — где настоящая-то красота, что природы совершенство называется; магнетизер правду сказал: это совсем не то, что в лошади, в продажном звере”» [4, 336].

В воспоминаниях Ивана Северьяныча о «плении» его женщиной выявляется темный, inferнальный смысл любви как страсти, приносящей страдания и мучения, поскольку она — от лукавого: «Она на меня плывет, глаза вниз опустила, как змеища-горынище, ажно гневом землю жжет, а я перед ней просто в подобии беса скачу, да все, что раз прыгну, то под ножку ей мечу лебеда... Сам ее так уважаю, что думаю: не ты ли, проклятая, и землю и небо сделала?» [4, 340].

Адская картина погружения человека в бездну греховной страсти представлена Н. С. Лесковым более чем убедительно. Но своей кульминации поглощенность человеческой воли дьяволом достигает в эпизоде убийства Груши. Хотя герой и называет ее сестрицей, а она его братом, в сознании странника происходит та же подмена Божественной любви человеческими несовершенными отношениями, что и в судьбе Катерины Измайловой. Цыганка берет с него клятву, что герой убьет ее из-за жалости к ней, поскольку она сама лелеет мстительные замыслы. Возникает вопрос: почему же Груша сама не покончила жизнь самоубийством? Потому что лукавая неправда всех этих внебрачных союзов притягивает к себе, как мирская сеть, в погибель все большее количество людей. Вот и Груша в вечности хочет предстать как мученица, обмануть Бога, а вся вина в очередном убийстве ляжет на Флягина. Таким образом, Н. С. Лесков констатирует, что духовные законы жизни непреклонны: нераскаянные грехи плодят новые в геометрической прогрессии.

И Флягин вновь совершает убийство. Возникает центральный вопрос повести: а являются ли христианами герои Н. С. Лескова? Или они — язычники, маскирующиеся под общепринятые нормы христианской морали? Это тот же самый вопрос, который всю жизнь волновал святителя Тихона Задонского и подвиг его на создание главного капитального труда — «Об истинном христианстве». Концепция его учения, если кратко, состоит в следующем: «Кто волю Божию творит и верю последует Аврааму, отцу верных, — чадо Авраамле есть, последовательно Божие чадо и раб Божий есть; а кто дьявольскую волю в делах его злых творит, дьявольский раб есть. Да не прельщает убо тебе, христианине, имя христианское без жития христианского. **Ложное бо есть христианство без дел христианских, и такому христианину ничего не воспользует, но паче большую принесет пагубу.** Христианин тот Богу верный раб, который верно Ему работает» [3, с. 1066].

По Божьему Промыслу Флягин оказывается в монастыре, но это отнюдь не совпадает с разрешением всех его жизненных противоречий, начинается духовная брань, требующая многолетнего упорного труда над собственной душой. Стремительной победы человека над дьяволом не бывает, потому что ему необходимо познать самого себя. Флягин про-

являет нетерпение, которое реализуется в его причудливых «срывах». Как известно, в борьбе с бесами помогают пост и молитва, но «очарованный странник» набрасывается на нечистого с топором, а вместо него оказывается, что он напал на монастырскую корову. Его поступок отец игумен справедливо оценивает как следствие малого хождения в церковь, и ему определяют послушание смотреть за подсвечником. Флягин и здесь проявляет свой строптивый характер: опрокидывает свечи во время всеобщей. Сидя в погребе, Флягин начинает молиться о ниспослании благодати для усовершенствования своего духовного устройства. Тут-то и посылается ему возможность прочитать житие преподобного Тихона Задонского, которое произвело на него сильнейшее впечатление: «и начитал я сначала у преподобного Тихона, как посетили его в келье Пресвятая Владычица и святые апостолы Петр и Павел. Писано, что угодник Божий Тихон стал тогда просить Богородицу о продлении мира на земле, а апостол Павел ему громко ответил знамение, когда не станет мира, такими словами: «Егда, — говорит, — все рекут мир и утверждение, тогда нападает на них внезапно всегубительство»» [4, 372].

Этот эпизод из жития святителя Тихона Задонского был настолько близко к сердцу воспринят Флягиным, что он «исполнился страха за народ свой русский и начал молиться» и всех других увещевать делать то же самое, чтобы под ноги православного нашего царя покорились враги и супостаты. Его «пророчества» были неоднозначно восприняты в монастыре, и ему был определен путь дальнейшего странствия. Но в финале его путь странника имеет уже вполне осознанный характер: он идет на богомолье на Соловки. С помощью святителя Тихона Задонского герой Н. С. Лескова обрел внутри себя идейный и духовный стержень противостояния злу. У него возникло заветное желание положить душу за други своя: «...мне за народ очень помереть хочется».

Так реализовалась в художественной ткани «Очарованного странника» высказанная Н. С. Лесковым мысль о том, что «народ ждал слова Тихона и слушался этого слова более, чем всяких иных словес владык пышных» [2, 388]. Желание подвига, вызванного жертвенной христианской любовью, составило итог исканий простого русского человека, Ивана Флягина, и эта истина была обретена им с помощью великого задонского Святителя земли Русской.

ЛИТЕРАТУРА

1. Святитель Тихон Задонский и пути развития русского богословия, культуры, образования: материалы Международной научно-практической конференции (г. Липецк, 10 декабря 2021 г.) / Под ред. протоиерея О. Е. Безруких, Н. В. Стюфляевой. — Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского, 2022. — 318 с.
2. Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 5 т. / Н. С. Ле-

сков.— М.: Правда, 1981.— Т. 3.— 496 с.

3. Иоанн (Маслов), схиарх. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского / Схиархимандрит Иоанн

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Сатарова Л. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

Гречушкина Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

E-mail: natgrech@yandex.ru

Стюфляева Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

E-mail: stuf77@mail.ru

(Маслов).— М.: ООО Самшит, 2000.— Т. 3.— 1199 с.

4. Лесков Н. С. Леди Макбет Мценского уезда / Н. С. Лесков.— М.: Эксмо, 2007.— 640 с.

Lipetsk State Pedagogical University named after P. Semenov-Tyan-Shansky

Satarova L. G., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Literature Department

Grechushkina N. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department

E-mail: natgrech@yandex.ru

Styuflyayeva N. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department

E-mail: stuf77@mail.ru